

МОЙ ДИКИЙ
ВИНОДЕЛ

Сладкая, терпкая, моя

РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Рейн

Мой дикий винодел.

Сладкая, терпкая, моя

<https://litres.ru/74507663>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Забыла меня?

Я бы очень хотела сказать «да».

Но сложно забыть мужчину, после которого пришлось среди ночи собирать нижнее белье с пола гостиничного номера.

Особенно когда месяц спустя встречаешь его на свадьбе лучшей подруги.

И узнаёшь, что он её старший брат.

Роман Ветров — владелец виноградников, дорогой винодельни и совершенно невыносимого характера. Молчаливый, суровый, самоуверенный. Он слишком мало говорит, слишком много замечает и смотрит на меня так, будто вспомнил ту ночь.

Впрочем, он её и не забыл.

А теперь я застряла в его усадьбе среди виноградников, дегустаций и воспоминаний, которые совершенно не собираются оставаться воспоминаниями.

Роман почему-то уверен, что я снова окажусь в его объятиях.

Наглый.

Самоуверенный.

Дикий.

И самое ужасное — возможно, он прав.

Содержание

Глава 1. Из всех мужчин Москвы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алекс Рейн

Мой дикий винодел.

Сладкая, терпкая, моя

Глава 1. Из всех мужчин Москвы

— Ты издеваешься? — спрашиваю я у навигатора, медленно опуская солнцезащитные очки на кончик носа.

Навигатор, разумеется, молчит. На экране светится аккуратная надпись «Усадьба Ветров» и ещё 400 метров до поворота, а впереди, за идеально ровными рядами винограда, возвышается светлый каменный замок: панорамные окна, тёмная черепичная крыша, небольшая башня над боковым крылом, широкие террасы и каменные лестницы, спускающиеся к саду. По стене ползёт плющ, вдоль дороги стоят тонкие кипарисы, а возле невысокой ограды цветут густые розы.

Дорога идёт вверх между виноградниками, и я еду медленнее разрешённого, потому что успеваю смотреть сразу во все стороны. Слева зелёные склоны уходят почти до горизонта, справа между деревьями вспыхивает синее море. Над нагретой землёй дрожит воздух, листья лоз блестят под ярким солнцем.

Полина говорила: *«Приезжай пораньше, поживёшь у нас на винодельне, поможешь со свадьбой»*. В моём воображении винодельня почему-то выглядела гораздо скромнее: дом, пара лоз винограда и подвал с бочками. А теперь я смотрю на башню и качаю головой.

— Полина, ты охренела, — сообщаю отсутствующей подруге и сворачиваю к высоким кованым воротам.

Мужчина в белой рубашке сверяет мою фамилию со списком на планшете, желает хорошего дня и объясняет, где припарковаться. Я медленно трогаюсь с места и почти сразу замечаю небольшую экскурсионную группу: девушка в льняном костюме что-то рассказывает, показывая рукой на склон, а за ней идут человек десять. У женщины в огромной соломенной шляпе в одной руке телефон, в другой — бокал; мужчина рядом несёт небольшую коробку с бутылками.

Чуть дальше открывается ресторанный терраса. Официант ставит перед какой-то парой кофейник и плетёную корзинку с выпечкой, и лёгкий ветер почти сразу приносит запах горячего теста и сливочного масла. Я опускаю окно, втягиваю воздух и понимаю, что пахнет круассанами.

Телефон на пассажирском сиденье начинает вибрировать. На экране появляется фотография Полины, я нажимаю на громкую связь и вместо приветствия сообщаю, что приехала.

— Уже? — голос Полины моментально становится громче. — Я сейчас прибегу. Ты где?

Связь обрывается, а я ещё пару секунд смотрю на теле-

фон. Полину я знаю двенадцать лет. Знаю, как она выглядит с похмелья, какой чай покупает, почему ненавидит изюм и сколько раз способна переодеться перед обычным походом в ресторан. Но каким-то образом все эти годы под словами «родители занимаются вином» она умудрялась скрывать ресторан, гостевые дома, виноградники до горизонта и шато.

Я заезжаю на парковку, выключаю двигатель и несколько секунд остаюсь сидеть в салоне. После пяти часов дороги тело гудит от усталости, волосы растрепались, а на губах от утреннего блеска осталось одно воспоминание. В зеркале заднего вида я выгляжу не так плохо, как ожидала: белая майка на тонких бретелях, джинсовые шорты, светлая рубашка завязана на талии. Для женщины, которая последние полдня провела на трассе, вполне достойно.

Стоит открыть дверь, как южная жара обрушивается на меня сразу. Горячий воздух скользит по голым плечам, под волосами у затылка моментально становится влажно, а от нагретого камня идёт сухое тепло.

Я достаю сумку с заднего сиденья, захлопываю дверь и только собираюсь идти к главному корпусу, когда замечаю мужчину среди виноградников.

Он стоит метрах в двадцати от парковки, спиной ко мне, возле самого начала одного из рядов. Рядом молодой парень в зелёной футболке что-то показывает ему на планшете, но первым делом я почему-то замечаю не экран и даже не виноград, а светлую мужскую рубашку. **Тонкая ткань потемне-**

ла между лопаток от жары и слегка прилипла к широкой спине, рукава небрежно закатаны выше локтей, открывая загорелые предплечья.

Я невольно замедляю шаг. **Широкие плечи, узкие бёдра, длинные ноги.** Тёмные брюки сидят настолько хорошо, что я несколько секунд совершенно бессовестно смотрю туда, куда воспитанная женщина вообще-то должна смотреть значительно реже.

Мне 29. Я видела мужчин. В том числе без рубашек. Некоторые из них даже производили на меня впечатление, и один особенно — совсем недавно. Эта мысль появляется некстати, поэтому я решительно перевожу взгляд на виноградники.

Мужчина как раз наклоняется к ближайшей лозе, срывает несколько ягод и раздавливает одну между большим и указательным пальцами. Несколько секунд рассматривает сок на коже, что-то коротко говорит парню рядом, а потом забирает у него планшет и сам увеличивает изображение двумя пальцами. До меня долетает низкий голос. Слов я не разбираю, зато почему-то сразу останавливаюсь.

Внутри возникает неприятное, совершенно необъяснимое ощущение будто я где-то его слышала. Я смотрю внимательнее. Тёмные волосы. Манера чуть наклонять голову, когда слушает. Широкая ладонь, которой он проводит по затылку, прежде чем снова посмотреть на экран.

Нет. Да ну нахрен. Я снимаю солнечные очки. Мужчина поворачивается боком, и у меня медленно холодеет всё

внутри, несмотря на тридцатиградусную жару, потому что этот профиль я уже видела.

Он поворачивается полностью, и я очень тихо произношу: — Блять.

Мужчина среди виноградников — Роман. Тот самый Роман, с которым месяц назад я познакомилась в московском баре, выпила два бокала вина, проговорила до закрытия, а потом поехала в отель с совершенно ясным пониманием того, зачем именно еду. В ту ночь мне особенно нравилось, что мы почти ничего друг о друге не знаем. Я сказала, что меня зовут София, а он назвал своё имя. Мы не обсуждали профессии, семьи, прошлые отношения и планы на ближайшую пятилетку, и всё это казалось удивительно взрослым и удобным.

Очень взрослая концепция. Очень удобная. Оказывается, с некоторыми недостатками.

Память подсовывает тёмный номер, прохладную простыню под спиной, горячую ладонь у меня на талии и низкий голос возле уха. Перед тем как окончательно перейти ту границу, после которой два взрослых человека уже не могут утром сделать вид, что просто увлеклись разговором о погоде, Роман остановился и спросил, уверена ли я. Тогда я даже не задумалась. **Я была настолько уверена, что сама потянула его за расстёгнутый ворот рубашки.**

Утром я ушла первой, пока он принимал душ. Не потому, что ночь была плохой. Наоборот. Именно поэтому мне пока-

залось разумнее оставить её там, где она случилась, — в отеле. Ни телефона, ни фамилии, ни «как-нибудь увидимся».

Роман поднимает голову, видит меня и тоже замирает, хотя всего на секунду. Лицо почти не меняется. Никакого открытого удивления, никаких широко распахнутых глаз. Просто взгляд становится другим — более внимательным и тяжёлым. Он несколько секунд смотрит на моё лицо, потом медленно проводит глазами ниже: по белой майке, голым ногам, босоножкам — и снова возвращается к лицу.

По шее расплзается жар. Я слишком хорошо помню этот взгляд: именно так он смотрел в баре, когда уже точно знал, что вечером домой один не уедет. Уголок его рта едва заметно дёргается, и мне становится окончательно понятно, что он узнал меня и помнит ничуть не хуже.

— София! — раздаётся со стороны главного корпуса, и я вздрагиваю так сильно, что едва не роняю очки.

— Соф! — Полина врежется в меня с объятиями так сильно, что ремень сумки съезжает с плеча. — Наконец-то. Я уже решила, что ты развернёшься где-нибудь после Краснодара.

Я крепко обнимаю её и на пару секунд действительно забываю обо всём остальном. — Была такая мысль, особенно когда навигатор в четвёртый раз отправил меня на дорогу, на которой асфальт существовал только в его фантазиях.

— Надо было лететь, — Полина отстраняется и придирчиво рассматривает меня, удерживая ладонями за плечи. — Ты уставшая какая-то.

— Спасибо, — бурчу я, поправляя съехавшую сумку.

— Нет, ты красивая. Просто уставшая, — быстро исправляется она и улыбается так широко, что я не выдерживаю и тоже улыбаюсь.

Я машинально смотрю ей за плечо. Роман уже неторопливо идёт к нам. С каждым шагом деталей становится больше: **на левом предплечье светлая царапина, на виске тон-**

кая полоска пота, верхние две пуговицы рубашки растёгнуты, и между краями влажной ткани видна загорелая кожа груди.

Мне совершенно необязательно было смотреть именно туда. Тем более я и так знаю, что скрывается под рубашкой.

Полина замечает направление моего взгляда и оборачивается. У меня возникает короткое, совершенно иррациональное желание схватить её за плечи и развернуть обратно, но поздно.

— Ром! — радостно зовёт она и машет рукой. — Иди сюда, как раз познакомлю вас.

Конечно. Из всех мужчин Москвы я выбрала именно того, которого сейчас собирается представить мне лучшая подруга.

Роман подходит и останавливается возле сестры. **Теперь знакомый древесный запах его парфюма смешивается с жарой, нагретой кожей и виноградом.**

— Рома, это София, — объявляет Полина с видом человека, который делает что-то чрезвычайно полезное. — Соф, мой старший брат.

Я смотрю сначала на неё, потом на него. Старший брат. Месяц назад я переспала со старшим братом своей лучшей подруги. Было бы гораздо проще испытывать чистый стыд, если бы ночь оказалась посредственной и я вспоминала её исключительно как жизненный урок. Но нет. Всё прошло настолько хорошо, что в последующие дни я несколько

раз ловила себя на мысли, что зря не оставила номер.

Теперь вселенная, очевидно, решила исправить мою ошибку.

— Очень приятно, — произношу я, каким-то чудом сохраняя нормальное выражение лица.

Бровь Романа медленно поднимается. Он чуть щурится от солнца, взгляд задерживается на моём лице, а в уголке губ появляется знакомая едва заметная усмешка.

— Правда? — Низкий голос проходит по коже почти физически. Я моментально чувствую мурашки на руках.

— Вы знакомы? — Полина тут же переводит взгляд с брата на меня.

Сейчас мне достаточно сказать, что мы случайно встретились в Москве. Никто не заставляет сообщать подробности, но...

— Нет, — отвечаю я.

Прекрасно, София. Просто мастер коммуникации. Роман несколько секунд молча смотрит на меня. Его взгляд медленно опускается к моим губам, **и мозг тут же подсовывает воспоминание о том, как месяц назад большой палец скользнул по моей нижней губе перед поцелуем.**

— Да, — совершенно спокойно говорит он.

Полина моргает и снимает очки. — Вы можете определиться?

— Виделись, — поясняет Роман, наконец переводя взгляд на сестру.

— Один раз, — поспешно добавляю я, чувствуя, как ручка сумки впивается в пальцы.

Карие глаза тут же возвращаются ко мне.

— Один, — повторяет он так спокойно, что обычное числительное внезапно превращается в неприличный намёк на последующие восемь часов. Щёки начинают гореть. Он специально. Я в этом абсолютно уверена.

— Где? — спрашивает Полина, ничего не замечая или пока не успевая заметить.

— В Москве, — отвечаю прежде, чем её брат решит внести ещё какие-нибудь уточнения. — Случайно пересеклись. Мы не знали, что оба знакомы с тобой.

— Обалдеть, — Полина улыбается и качает головой. — Мир тесный.

— До неприличия, — бормочу я, поправляя очки на голове.

Роман слышит. По едва заметному движению губ я понимаю, что формулировка ему понравилась.

Полинин телефон начинает вибрировать. Она достаёт его из сумки, читает сообщение и мгновенно превращается из счастливой подруги в женщину, которая готова убивать декораторов. — Они опять двигают арку. Соф, я тебя поселила в третьем гостевом домике, там тихо и нормальный стол, чтобы ты могла работать. В основном корпусе сейчас туристы, кухня, свадьба, все ходят туда-сюда. Ром, отнесёшь ей чемодан?

— Не надо, — отвечаю я мгновенно.

— Конечно, — одновременно со мной говорит Роман.

Мы смотрим друг на друга. Я выпрямляюсь и повторяю уже спокойнее: — Я сама. Его взгляд без спешки скользит по мне сверху вниз, на секунду задерживается на босоножках и снова поднимается к лицу. — Не сомневаюсь.

— Отлично. Тогда вопрос закрыт, — говорю я, но Полина уже пятится в сторону лестницы.

— Нет, вопрос решён. Рома поможет. Я через двадцать минут освобожусь и найду тебя. Потом всё покажу и накормлю, а то ты наверняка опять жила на кофе в дороге.

Она снова обнимает меня, на этот раз мягче, и раздражение мгновенно сменяется теплом.

— Я правда очень рада, что ты приехала.

— Я тоже, Поль, — отвечаю я и крепче прижимаю подругу. Я скучала по ней, хотела быть рядом перед свадьбой. Просто желательно было бы делать это в мире, где Роман Ветров временно не существует.

— Люблю тебя, — шепчет Полина, отпуская меня.

— И я тебя. Она уже убегает, но успевает обернуться.

— Ром, не потеряй её! Роман переводит глаза на меня.

— Постараюсь.

Несколько секунд мы остаёмся вдвоём под ярким солнцем. Вокруг ничего не меняется, но присутствие Романа почему-то становится слишком ощутимым. **Он стоит всего в паре шагов, чуть щурится от света, а на пальцах пра-**

вой руки остались тёмные следы раздавленной ягоды.

— Машина где? — спрашивает он наконец.

Я показываю на парковку. — Там. Роман протягивает руку. Ладонь большая, загорелая, на костяшках несколько мелких царапин.

— Ключи, — поясняет он, когда я продолжаю смотреть.

Я поднимаю глаза. — Я сама достану чемодан. — София, — Роман чуть склоняет голову.

От того, как спокойно и низко он произносит моё имя, по затылку проходит неприятно приятная дрожь. Я сразу злюсь на себя и на него заодно. — Не командуй мной.

В тёмных глазах появляется лёгкая насмешка. — Я попросил.

— Очень необычная у тебя интонация для просьбы.

Я лезу в сумку, нахожу ключи и протягиваю ему. Когда связка ложится на ладонь, наши пальцы случайно соприкасаются. **Всего на секунду, но по руке вверх моментально проходит горячая волна. Мышцы живота сжимаются, а память снова услужливо подбрасывает ту же руку на моей голой спине.**

Я резко убираю пальцы. Роман замечает, конечно. Взгляд становится внимательнее, а мне срочно требуется сказать хоть что-нибудь.

— И не называй меня Соф.

Его брови слегка сходятся. — Я не называл.

— Но собирался.

— Ты мысли читаешь?

— Твои несложно.

На губах появляется почти незаметная улыбка.

— Соф.

Я возмущённо вскидываю подбородок:

— Вот! Меня так называют только близкие.

Роман смотрит на меня несколько секунд совершенно серьёзно, потом его взгляд медленно опускается на мои губы.

— Мы были достаточно близко.

Я прикусываю щёку изнутри, потому что мне вдруг хочется улыбнуться, а тело реагирует ещё хуже: внутри становится жарко, и губы сами хочется облизнуть.

— Это было ужасно, — сообщаю я, стараясь сохранить серьёзное лицо.

— Но сработало, — спокойно отвечает он.

— Нет.

Он чуть прищуривается.

— Покраснела.

— Здесь тридцать градусов.

— Конечно.

Он открывает багажник и наклоняется за чемоданом. Мышцы под влажной тканью напрягаются, и я сглатываю.

— Можешь не делать вид, что не смотришь, — раздаётся его голос.

Я моментально поднимаю глаза к небу. Голубое, ни облачка, замечательное небо.

— Самовлюблённый придурок, — бормочу я, уверенная, что он не услышит.

Роман выпрямляется, ставит чемодан на колёса и закрывает багажник.

— Я всё слышал.

Чтоб тебя.

К гостевым домикам ведёт мощёная дорожка между розами и низкими кустами лаванды. Здесь прохладнее: старые деревья бросают на камень кружевную тень, слабый ветер шевелит листья, а от влажной земли тянет свежестью. Справа снова появляется ресторанный терраса.

Я невольно замедляюсь. Роман оглядывается через плечо и прослеживает направление моего взгляда.

— Что? — спрашивает он, чуть придерживая чемодан на неровном камне.

— Ничего. Я пять часов была за рулём и просто думаю о еде.

Он смотрит на террасу.

— О круассане?

— Не осуждай меня.

— Не осуждаю.

— Хороший? — спрашиваю я, всё-таки не удержавшись.

— Не знаю.

Я останавливаюсь.

— Что значит «не знаю»?

Роман тоже прекращает идти и поворачивается ко мне,

всё ещё удерживая ручку чемодана.

— Я не пробовал.

— У тебя ресторан, где подают такие круассаны, а ты их не ел?

— Я занимаюсь вином.

— То есть все остальные удовольствия в жизни ты принципиально игнорируешь?

Взгляд Романа неторопливо проходит по моему лицу. В карих глазах появляется то самое спокойное веселье, которое уже начинает плохо влиять на мою нервную систему.

— Не все.

Я спотыкаюсь на совершенно ровной дорожке.

Он реагирует быстрее, чем я успеваю восстановить равновесие. **Большая ладонь ложится мне на талию, пальцы крепко охватывают бок сквозь тонкую ткань майки.** Тело мгновенно замирает. Живот стягивает, дыхание сбивается, а память мгновенно рисует его руку уже не поверх майки.

Я поднимаю голову. Роман смотрит прямо в глаза. Усмешка исчезла, лицо стало серьёзным, складка между бровями чуть заметнее.

— Нормально? — спрашивает он тихо.

Я киваю и сглатываю.

— Да.

Он отпускает сразу, не задерживая ладонь ни на секунду дольше.

— Спасибо, — говорю я и машинально поправляю шорты, хотя с ними всё в порядке.

— Не за что.

Роман идёт дальше как ни в чём не бывало, и меня это почему-то раздражает. Я догоняю его и смотрю на спокойный профиль.

— Ты всегда такой?

Он бросает на меня короткий взгляд.

— Какой?

— Невыносимый.

— Нет.

— А когда?

— Только с тобой.

Фраза звучит буднично. Я несколько секунд рассматриваю его лицо, пытаюсь понять, шутит он или нет.

— Это сейчас был флирт? — наконец спрашиваю я.

— Нет.

— Слава богу.

В уголке его губ появляется улыбка. Роман замолкает, и почему-то от этого становится ещё хуже. Мы проходим мимо небольшой экскурсионной группы. Молодая девушка в светлой форме замечает его и останавливается буквально на секунду.

— Александр Сергеевич сказал, по нижнему участку результаты будут после четырёх, — сообщает она, придерживая папку у груди.

Роман кивает.

— Пусть сразу отправит мне.

— Хорошо.

Она догоняет туристов, а я смотрю ему вслед уже с другим любопытством. Чуть ниже видно ещё одно светлое каменное здание с большими дверями. Внутри мелькает металл оборудования.

— Полина вообще никогда нормально не рассказывала, что здесь, — говорю я, оглядываясь на главный дом. — «У нас винодельня». Я представляла три бочки и самогонный аппарат.

Роман поворачивает голову.

— Такого у нас нет.

— Зато есть замок.

— Дом.

Я снова смотрю на него.

— У него башня. Роман переводит взгляд на фасад, словно впервые замечает архитектурную особенность.

— Одна.

Несколько секунд я молчу, затем невольно смеюсь.

— Вы с Полиной точно родственники.

На этот раз он улыбается чуть заметнее. Недолго, буквально на секунду, но лицо сразу становится другим, мягче, и у меня в груди что-то неприятно дёргается. **Лучше бы продолжал изображать камень.**

Гостевой домик оказывается чуть ниже основного корпу-

са. Небольшое светлое здание с деревянными ставнями, черепичной крышей и маленькой террасой, над которой вьётся виноград. Перед дверью стоит круглый стол с графином воды и нарезанным лимоном, а между деревьями за домом видно синее море. Я останавливаюсь на ступеньке и на секунду забываю даже про Романа.

— Вот это уже нечестно, — говорю я, глядя на воду между зелёными ветвями.

Он ставит чемодан.

— Что?

— Вид. Полина могла хотя бы предупредить, что я буду работать вот с этим перед глазами.

Роман тоже смотрит на море, чуть щурясь от света.

— Привыкнешь.

— Конечно. Ты уже зажрался.

— Возможно.

Внутри домика прохладно. После жары кондиционированный воздух моментально заставляет кожу покрыться мурашками. Комната светлая, с деревянными балками под потолком, большой кроватью и письменным столом у окна. На стенах висят старые чёрно-белые фотографии виноградников, на комоде стоят розы в простой керамической вазе.

— Красиво, — признаю я, проводя пальцами по прохладной поверхности стола.

— Полина выбирала, — отвечает Роман, заноса чемодан к шкафу.

— Тогда понятно. У тебя, судя по всему, эстетика заканчивается на бочках.

Он ставит чемодан и выпрямляется.

— И винограде.

— Прошу прощения. Незаслуженно обесценила.

Роман показывает на небольшую панель возле двери.

— Кондиционер здесь. Wi-Fi на столе. Иногда вечером связь проседает, если много гостей. Если что — напиши Полине или мне.

Я смотрю на него.

— Мне?

— Тебе.

— Нет, я про «напиши мне». У меня нет твоего номера.

На секунду в комнате становится слишком тихо. Роман смотрит на меня без улыбки, потом достаёт телефон из кармана.

— Теперь будет.

— Не обязательно, — говорю я слишком быстро.

— Тогда Полине будешь звонить из-за интернета, — спокойно замечает он. — Вот она обрадуется перед свадьбой.

Чёрт. Аргумент отвратительно разумный.

Я называю номер, а Роман набирает. Через секунду мой телефон в сумке вибрирует. Я достаю его и вижу незнакомый вызов. Сохранять контакт почему-то неловко.

— Как записать? — спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

Роман смотрит прямо на меня.

— Роман.

— Я надеялась хотя бы на «Роман, винодельня, не отвечаю после полуночи».

Его губы едва заметно изгибаются.

— После полуночи отвечу.

Он направляется к двери, и я испытываю совершенно нелогичный укол раздражения. Именно этого я должна хотеть: сейчас Роман уйдёт, я приму душ, найду Полину и начну вести себя как нормальный человек. Вместо этого мне почему-то кажется, что разговор закончился слишком быстро.

— Роман, — окликаю я прежде, чем успеваю передумать.

Он останавливается, ладонь ложится на дверную ручку.

— Что?

Я складываю руки на груди, замечаю, как его взгляд на мгновение опускается туда, где ткань майки натягивается сильнее, и тут же возвращается к лицу. Жар медленно спускается к животу, поэтому говорить становится ещё неприятнее.

— Нам, наверное, стоит договориться насчёт Москвы, — произношу я, стараясь звучать спокойно.

Роман отпускает ручку и разворачивается ко мне полностью.

— Что с ней?

— Не делай вид, что не понимаешь.

— Я не делаю.

Его спокойствие начинает раздражать. Я заставляю себя

говорить нормально, без дурацких пауз.

— Это была одна ночь. Случайная. Мы оба взрослые люди, хорошо провели время и разошлись. Я приехала сюда к Полине, у неё свадьба, поэтому я не хочу, чтобы всё стало странным.

Роман молчит несколько секунд. Карие глаза остаются на моём лице, и понять по ним хоть что-нибудь невозможно. Наконец он кивает.

— Хорошо.

Я моргаю.

— Хорошо?

— Ты хотела договориться. Договорились.

— И всё? — вопрос вырывается раньше, чем я успеваю прикусить язык.

Блять. Вот зачем? В его взгляде появляется лёгкая насмешка.

— А должно быть что-то ещё?

— Нет, — отвечаю слишком быстро. — Конечно нет.

— Тогда всё.

Роман снова поворачивается к двери. В груди неожиданно неприятно сжимается, и я моментально злюсь на себя. Именно этого я только что добивалась. Он согласился не делать ничего странного. **Нормальный взрослый мужчина. Прекрасный результат.**

— Ты всегда так легко забываешь женщин? — спрашиваю я ему в спину.

Тишина становится почти осязаемой. Я закрываю глаза на долю секунды. Отлично. Рука Романа замирает на дверной ручке. Он медленно поворачивает голову, затем делает шаг ко мне. Потом ещё один.

Я не отступаю. Он подходит достаточно близко, чтобы между нами осталось совсем немного воздуха, но не касается. От его тела идёт тепло, знакомый древесный запах становится сильнее. **Я вижу мелкие капли пота у линии волос, тёмную щетину на подбородке и складку между бровями.**

— Я тебя не забыл, София, — говорит он тихо.

Ни улыбки, ни флирта. Просто спокойная констатация, и именно поэтому фраза действует сильнее. **Во рту моментально пересыхает, я сглатываю и заставляю себя не опускать взгляд к его губам.**

— Хорошо, — отвечаю я.

Уголок его рта всё-таки двигается.

— Опять.

— Что?

— Ты снова сказала «хорошо».

— Могу сказать «прекрасно».

— Не надо.

— Почему?

Роман чуть наклоняет голову. Наши лица становятся ближе, хотя сам он почти не двигается.

— Ты врёшь хуже, когда нервничаешь.

Я тихо фыркаю.

— Я не нервничаю.

— Конечно.

Его внимание на мгновение соскальзывает ниже, и я понимаю куда именно только по короткой паузе. Я слишком отчётливо чувствую собственное дыхание и то, как под тонкой тканью майки напрягается грудь. **Роман замечает это тоже: глаза на короткую секунду скользят ниже, и по коже сразу проходит горячая волна.**

— Не смотри, — говорю я, сама не понимая, зачем.

— Куда? — спрашивает он всё тем же спокойным голосом.

— Ты знаешь.

— Знаю.

Мне хочется толкнуть его и одновременно схватить за ворот рубашки. Второе желание значительно опаснее. Роман не двигается и не сокращает оставшееся расстояние, просто ждёт, и именно от этого между нами становится ещё жарче. Я вдруг совершенно точно понимаю: достаточно мне самой податься вперёд — и он поцелует.

Память мгновенно напоминает, как это было в прошлый раз: **его ладонь на затылке, щетина, горячий рот, мои пальцы в его волосах.** Я медленно втягиваю воздух и заставляю себя поднять глаза.

— Уходи, — говорю тихо.

Он отступает сразу. Ни секунды колебания, ни вопроса,

уверена ли я, ни попытки приблизиться ещё раз.

— Отдыхай, Соф, — говорит Роман, вновь берясь за ручку.

Я скидываю голову.

— Я просила меня так не называть.

Дверь закрывается тихо, а я остаюсь посреди комнаты, слушая ровный шум кондиционера. Потом медленно прикладываю ладони к горящим щекам и выдыхаю что-то совершенно нецензурное.

Я снимаю босоножки, прохожу босиком к окну и отодвигаю лёгкую занавеску. Снаружи слепит солнце, между деревьями мерцает море, и среди всей этой спокойной красивой картинки идёт Роман.

Широкие плечи, закатанные рукава, одна рука в кармане. Он уже не мужчина из московского гостиничного номера, а хозяин этого места. К нему подходит сотрудник, показывает что-то на планшете. Роман останавливается, внимательно смотрит на экран, проводит пальцем по изображению и указывает в сторону дальних рядов винограда.

Собранный. Сосредоточенный. Будто пять минут назад не стоял от меня настолько близко, что я едва не полезла к нему сама.

Я уже собираюсь отойти от окна, когда Роман неожиданно поднимает голову прямо к моему домику. Наши взгляды встречаются даже через стекло. На этот раз я не успеваю спрятаться и просто стою, прижав пальцы к краю занавески.

Он смотрит секунду, чуть прищуривается и едва заметно кивает. Никакой улыбки. Но я почему-то уверена, что он смеётся.

* * *

Через сорок минут мне удаётся убедить себя, что душ, работа и плотный ужин способны решить любые проблемы. Душ действительно помогает: прохладная вода смывает дорожную пыль и жар, мышцы постепенно расслабляются, а после я почти десять минут стою перед зеркалом в полотенце и объясняю собственному отражению очевидные вещи.

Роман — брат Полины. Я здесь ради свадьбы, и превращать случайную ночь в семейный сериал совершенно необязательно.

Я всё-таки открываю ноутбук и полтора часа честно работаю. Созваниваюсь с коллегой и даже успеваю забыть о Романе минут на пятнадцать. Потом за окном проходит какой-то высокий мужчина, и я поднимаю голову так быстро, что сама на себя злюсь.

Это не он. В половине восьмого Полина присылает сообщение: *«Ужин через час. Ресторан, терраса. И надень что-нибудь красивое, я хочу видеть свою подругу, а не дальнотбойщика».*

Я смеюсь, отвечаю средним пальцем и закрываю ноутбук. В какой-то момент я ловлю себя перед зеркалом в тёмно-зелёном платье на тонких бретелях и понимаю, что уже пять минут обсуждаю с собой глубину декольте исключи-

тельно потому, что за ужином может быть Роман.

Ткань мягко облегает талию и свободно ложится по бёдрам, открытая спина выглядит достаточно спокойно для семейного ужина, а цвет подчёркивает загар. Я распускаю волосы, надеваю маленькие серьги и добавляю блеск на губы.

Когда выхожу из домика, солнце уже опускается к морю. Дневная жара стала мягче, каменные стены всё ещё отдают накопленное тепло, но между деревьями тянет прохладой. Усадьба меняется вместе со светом: белый фасад становится золотистым, на дорожках загораются небольшие фонари, виноградники темнеют, а с ресторанной террасы доносятся музыка и негромкие разговоры.

Полина сидит за столиком у края террасы с ноутбуком, телефоном и почти нетронутым бокалом. Увидев меня, она тут же захлопывает крышку и придирчиво проводит взглядом по платью.

— Вот, — удовлетворённо произносит она. — Теперь я узнаю свою подругу.

Я опускаюсь в кресло напротив.

— А до этого кто был?

— Женщина, пережившая трассу М-4.

— Не смей обесценивать мой подвиг.

Официант почти сразу ставит передо мной воду, тёплый хлеб, маленькое блюдо с маслом и тарелку с мягким сыром, печёным персиком и зеленью. Я пробую кусочек и закрываю глаза на секунду.

— Если свадьба сорвётся, я всё равно останусь здесь есть,
— сообщаю Полине.

Полина смеётся и начинает рассказывать про очередной конфликт с декоратором. Я слушаю, задаю вопросы, ем тёплый хлеб и постепенно расслабляюсь. Почти получается забыть о Романе. Пока взгляд Полины не уходит мне за плечо.

— О, Ром, — говорит она. — Ты всё-таки пришёл.

Я медленно кладу вилку и оборачиваюсь.

После дня в виноградниках Роман успел принять душ и переодеться. Теперь на нём чёрная рубашка с теми же закатанными рукавами, тёмные волосы ещё немного влажные и убраны назад рукой, щетина делает лицо резче. Две верхние пуговицы опять расстёгнуты, и я совершенно серьёзно начинаю подозревать, что застёгивать рубашки до конца он не умеет физически.

— Садись, — Полина двигает свободный стул напротив меня. — Ты опять ничего не ел целый день.

— Ел, — отвечает Роман, отодвигая кресло.

— Что?

— Виноград.

Я фыркаю раньше, чем успеваю удержаться. Полина закатывает глаза, а Роман садится напротив меня и спокойно переводит взгляд на моё лицо. **Затем медленно — слишком медленно — опускает его к открытым плечам и вырезу платья.**

Мне тут же становится жарко.

— Красивое платье, — говорит он.

Я едва не давлюсь водой. Полина тоже выглядит удивлённой, и это почему-то делает всё ещё хуже.

— Ты умеешь делать комплименты? — спрашиваю я, ставя стакан.

Роман берёт кусок хлеба из корзинки.

— Иногда.

— Запишу дату. Полина переводит взгляд с брата на меня и обратно. Я замечаю, как в её лице появляется любопытство, и моментально меняю тему, спрашивая про завтрашний график.

— Утром я тебя заберу, — отвечает она, листая что-то в телефоне. — Потом мне надо к стилисту, а тебя Рома проведёт по винодельне. Посмотрите производство, погреб, потом попробуете свадебную подборку вин. Мне нужен второй человек, который не боится сказать, что что-то невкусно.

Я медленно поворачиваюсь к Роману. Он ест хлеб с видом человека, к которому разговор вообще не имеет отношения.

— У вас есть сомелье, — напоминаю Полине.

— Есть.

— Энолог?

— Марина. Конечно.

— Тогда зачем мне куда-то идти с Романом?

Вопрос звучит хуже, чем я планировала. Пальцы Романа на секунду замирают на бокале, а затем тёмные глаза медленно поднимаются на меня.

— Хороший вопрос, — произносит он.

Я чувствую, как лицо начинает гореть.

— Я имела в виду только себя.

— Я понял.

Скотина. Конечно он понял. Полина смотрит между нами уже совсем подозрительно.

— Вы какие-то странные с момента встречи.

Я тянусь к бутылке, стоящей на столе, но Роман оказывается быстрее. Берёт её одной рукой и наливает мне немного белого вина. Не до края, буквально на несколько глотков.

— А если бы я не белого хотела?

— Хотела.

— Откуда ты знаешь?

Он ставит бутылку и спокойно встречается со мной глазами.

— Ты посмотрела на неё три раза. Полина смеётся. — Господи, Соф, он тебя уже изучил.

Если бы ты знала насколько. Я делаю глоток, чувствуя прохладный фруктовый вкус, и решаю хотя бы пять минут вести себя нормально.

— Ты людей тоже анализируешь как виноград? — спрашиваю я, поворачивая бокал за ножку.

Роман делает небольшой глоток своего вина.

— Иногда.

— И какой вердикт?

Он ставит бокал. Взгляд неторопливо проходит по моему

лицу, задерживается на глазах, потом на губах. Полина в этот момент что-то печатает в телефоне и ничего не видит.

— **Не созрела еще,** — говорит Роман. А я несколько секунд просто смотрю на него.

— Это была одна из самых ужасных фраз, которые я слышала.

Он кивает так, будто именно этого и добивался. Вот так он это делает: выдаёт абсолютную хрень с лицом человека, который сообщает прогноз погоды. **Самое неприятное, что внутри у меня от этой хрени всё равно что-то дёргается.**

— Дикий винодел какой-то, — бормочу я себе под нос.

По тому, как Роман поднимает глаза, понимаю: услышал.

Ужин продолжается ещё почти два часа. Полина рассказывает о свадьбе, а к Роману подходят сотрудники: один мужчина говорит что-то про завтрашнее утро, девушка просит подтвердить время какой-то дегустации. В какой-то момент Полина пытается заставить его высказать мнение о музыке на свадьбе.

— Мне всё равно, — в третий раз повторяет Роман, откинувшись на спинку кресла.

— Тебе всегда всё равно, — возмущается она.

Он поднимает бокал, но прежде чем сделать глоток, смотрит на меня. — Не всегда. Всего секунда. Потом взгляд снова возвращается к сестре.

Я опускаю глаза к тарелке и чувствую, как по

шее снова поднимается жар. Полина ничего не замечает и продолжает спорить с ним о песнях. Я же следующие несколько минут думаю исключительно о том, что человек мог бы хоть иногда говорить больше трёх слов подряд.

К десяти часам Полина начинает зевать прямо посреди предложения. Я тоже чувствую последствия дороги и вина: тело приятно тяжёлое после ужина, глаза слипаются.

— Всё, — объявляю я, когда Полина в третий раз прикрывает рот ладонью. — Невесте пора спать.

— Я не хочу, — протестует она.

— Ты пять минут назад чуть не уснула в салате.

— Я моргнула.

Она смеётся, поднимается и обнимает меня за плечи.

— Завтра в девять завтрак. Не опаздывай.

— Круассаны будут?

— Будут.

— Тогда я приду.

Полина поворачивается к брату.

— И ты приди нормально, а не исчезни в шесть утра на своих виноградниках.

— Посмотрим, — отвечает он.

— Рома.

— Постараюсь.

Она качает головой и уходит первой, потому что ей, оказывается, ещё нужно проверить, приехали ли какие-то свечи. Я остаюсь возле стола, собирая телефон и маленькую су-

мочку. Роман тоже поднимается, надевает часы и берёт со спинки кресла лёгкий пиджак, который так ни разу и не понадобился.

Я замечаю, насколько он высокий, только когда мы оказываемся рядом. В сидячем положении этот факт можно было игнорировать, стоя — уже нет.

— Я сама дойду, — говорю заранее.

Роман смотрит на меня сверху вниз.

— Я ничего не предлагал.

— Отлично.

— Но пойду с тобой.

Я прищуриваюсь.

— Зачем? Он перекидывает пиджак через руку. — Хочу пройтись.

Вот и всё. Просто хочет пройтись. Мы спускаемся с террасы вместе. Ночной воздух пахнет прохладной землёй, розами и остаточным теплом каменных стен. Музыка остаётся за спиной, шаги тихо звучат по дорожке, а из темноты виноградульников доносится стрёкот насекомых. **Роман идёт рядом, не касается меня и даже не пытается, но я чувствую его присутствие настолько отчётливо, будто ладонь всё ещё лежит на талии.**

Несколько секунд мы молчим. Ему, кажется, совершенно комфортно. Мне — нет.

— Ты всегда такой разговорчивый? — спрашиваю я, потому что тишина начинает слишком громко напоминать о

том, как хорошо мы умели молчать в Москве.

— Нет, — отвечает Роман, не сбавляя шага.

— Бываешь ещё хуже?

Он поворачивает голову.

— Бываю молчаливый.

— А сейчас что?

— Разговариваю.

Я невольно смеюсь. На секунду Роман тоже улыбается, и в свете ближайшего фонаря его лицо становится менее жёстким. **Чёрная рубашка всё ещё расстёгнута сверху, тёмная щетина подчёркивает линию челюсти, а мне приходится напоминать себе, что смотреть человеку на грудь во время беседы неприлично.**

— Тебе завтра правда обязательно меня куда-то водить? — спрашиваю я, переводя взгляд на дорожку.

— Нет.

— Отлично.

— Можешь не идти.

Я поворачиваюсь к нему.

— Вот так просто?

— А как надо?

— Не знаю.

— Тогда просто.

Меня это почему-то опять раздражает. Ему вообще всё просто. Была одна ночь — хорошо. Не хочешь повторять — хорошо. Не хочешь идти — не иди. Никаких попыток удер-

жать, убедить, заставить изменить решение. **Я сама попросила именно этого и теперь сама же злюсь.**

Мы доходим до моего домика. Возле двери горит маленький фонарь, тёплый свет ложится на ступеньки и на лицо Романа, оставляя глаза темнее. Я достаю ключ из сумки и поворачиваюсь к нему.

— Спасибо, — говорю я.

— За что?

— Что не дал мне погибнуть на дороге длиной двести метров.

— Пожалуйста.

Я вставляю ключ в замок и чувствую его взгляд на открытой спине. Кожа между лопатками моментально покрывается мурашками. Несколько секунд я делаю вид, что замок необычайно сложный, потом всё-таки оборачиваюсь.

— Что?

Роман медленно поднимает взгляд к лицу.

— Ничего.

— Ты постоянно говоришь «ничего».

— Не постоянно.

Он делает небольшой шаг ближе. Не настолько, чтобы мне пришлось отступить, но достаточно, чтобы снова почувствовать знакомый древесный запах и тепло его тела в прохладном воздухе.

— Спокойной ночи, Соф, — говорит он тихо.

От короткого «Соф» внутри что-то сжимается. Сейчас

ОНО звучит совсем иначе, чем днём: не как подкол, а почти интимно.

— Я просила меня так не называть, — напоминаю я, удерживая пальцы на дверной ручке.

— Помню.

— И всё равно называешь.

— Да.

— Почему?

Тёмные глаза опускаются к моим губам и снова возвращаются к глазам.

— Всё ещё нравится.

Господи, какой же он невозможный.

— Ужасный человек, — говорю я, и собственный голос звучит тише, чем хотелось бы.

— Спокойной ночи, София.

Роман разворачивается и начинает спускаться по дорожке. Я должна просто открыть дверь и войти. Именно это делает любой нормальный человек после долгого дня. Вместо этого смотрю ему вслед несколько секунд, затем зачем-то окликаю:

— Роман.

Он останавливается и оборачивается. Причины, по которой я его позвала, у меня нет. Мозг лихорадочно ищет хоть что-нибудь приличное.

— Завтра во сколько? — спрашиваю я наконец.

Уголок его рта медленно поднимается.

— В десять.

— Это не значит, что я приду.

— Конечно.

Я качаю головой, а он тихо смеётся и продолжает идти.

Я захожу внутрь, закрываю дверь и несколько секунд стою, прислонившись к прохладному дереву. Потом снимаю серьги, кладу их на комод и смотрю на собственное отражение в тёмном окне. Вот теперь можно признать очевидное. Это очень плохая идея. Не завтрашняя прогулка, не дегустация и не сама Усадьба. **Роман Ветров.**

Месяц назад мы без слов договорились: одна ночь, никакого продолжения. А теперь он ходит по виноградникам моей лучшей подруги — то есть своей семьи, сидит напротив меня за ужином, провожает к дому и смотрит чуть ниже моих глаз, и от этой почти незаметной смены фокуса мне становится слишком понятно, о чём он думает, будто прекрасно помнит их вкус.

Самое отвратительное — он ничего не делает. Не давит, не уговаривает, не пытается меня поцеловать. Просто смотрит, говорит свои короткие ужасные фразочки и оставляет всё остальное мне.

Я подхожу к окну, хотя уже знаю, что это плохая идея, и отодвигаю занавеску. Роман как раз выходит из круга света ближайшего фонаря. Чёрная рубашка почти сливается с темнотой, различимы только широкие плечи и спокойная походка.

Будто почувствовав взгляд, он замедляется и чуть поворачивает голову в сторону моего окна. Между нами метров тридцать, тёмная дорожка и стекло, но несколько секунд почему-то кажутся слишком личными. Потом Роман едва заметно кивает и идёт дальше. Я опускаю занавеску и медленно выдыхаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.